

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО ЭТНОСА

Тропина Нина Павловна,
Херсонский государственный университет
г. Херсон, Украина

Изменения русского языка конца XX - начала XXI вв. – очевидный факт, отмеченный многими исследователями. Общеизвестны причины – ими являются общественно-политические процессы, охватившие русский социум в этот период. Эти процессы принято характеризовать как перестройку, демократизацию, либерализацию, ориентацию на европейские и общечеловеческие ценности. Кроме того, русское языковое сообщество, вместе со всем цивилизованным миром, в начале XXI века как-то незаметно оказалось уже не в индустриальном, а в постиндустриальном культурно-техническом пространстве и вплотную подошло к эпохе информационного развития, а скорее всего, уже вступило в нее. Оставим политологам и социологам задачу характеризовать названные процессы и их влияние на общество. Перед филологами-русистами стоит задача определить, какие изменения произошли под их влиянием в русском языке. Каких уровней языка они коснулись, насколько они глубоки, можно ли их считать зарождением тенденций, которые реализуются в речи отдельных индивидуумов или они стали достоянием узуса и превращаются в характеристику языка как системы?

Наблюдая за состоянием современного русского языка, лингвисты прежде всего отмечают изменение «языкового вкуса эпохи» (Костомаров, Бурвикова 2001:), что отразилось на дискурсах разного рода и на стилистической системе современного русского языка в целом: нормированный стандартный (литературный) язык стал раскованным, демократичным, он активно прибегает к языковой игре, к карнавализации. Оставшись прежним, он стал другим. Л.Н. Синельникова применила в своем докладе, сделанном на X Международном Форуме русистов Украины «Русский язык и Русский мир в современном гуманитарном пространстве» (19-21 марта 2010, Ялта, Украина), технический термин «матрица» в отношении изменяющихся, обновляющихся жанров и стилей современного русского языка, дискурсивных практик, обозначив им образец, форму, источник, которые могут наполняться новым содержанием, обновляться при воспроизводстве. (В технике «матрицей» называют формы, используемые для отлива типографских литер, для создания стереотипов и дальнейшего печатания текстов, в математике – один из способов моделирования). Метафоричность термина позволяет, на наш взгляд, не только наглядно представить «отлив» на старых матрицах новых стилистико-дискурсивных явлений современности, но и применить этот образ к другим языковым явлениям, в частности – к явлению семантической деривации – вторичной номинации, особенности которой в современном русском языке были нами прослежены.

Под семантической деривацией – вторичной номинацией мы понимаем единый в своей сути процесс, заключающийся в том, что для обозначения чего-то нового или по-новому воспринимаемого язык далеко не всегда создает новые слова, конструирует словосочетания, обращается к заимствованиям. Испытанным средством в таких случаях было и остается использование старых слов, которым «придается» новое значение. Этот процесс может происходить спонтанно, в «гуще народа». Так, в «Театральном романе» М. Булгаков рассказывает, что артисты в шутку комнату секретаря перед кабинетом В.И. Немировича-Данченко называли «предбанником» (очевидно, разворачивая известную метафору, заложенную во фразеологизмах «устроить баню» и «намылить шею»). Кто конкретный автор инновации – история умалчивает. А вот «ось» по отношению к планете, а не к колесу (*Земная ось*) впервые употребил М. Ломоносов. Вторичная номинация (термин В.Н. Телия) как средство дать старое имя чему-то новому имеет неоспоримое преимущество: она всегда обладает внутренней формой, наглядна,

образна; отсылая к известному, помогает понять новое. Основная разновидность семантической деривации - вторичной номинации – номинативная метафора - относится к языковым универсалиям.

В основе всякой метафоры, номинативной в том числе, лежит сопоставление, сравнение: поиск сферы (области, домина), располагающей необходимым материалом – словом. Словом, которое можно использовать в номинации вторично; таким словом, за которым стоят знакомые образы (гештальт, концепт, понятие), в чем-то сходные с тем, что нужно номинировать. Происходят наведение, фокусировка, выбор мотивационного признака - все это описано в теории когнитивной метафоры и когнитивной ономазиологии.

По нашим наблюдениям [Тропина 2003; 2007], языковая (номинативная) и художественная метафоры «поддаются» моделированию, хотя Д.Н. Шмелев в 60-70 гг. прошлого века отзывался о такой возможности скептически [Шмелев 1973]. При кажущемся разнообразии и даже хаотичности и номинативные и художественные метафоры (последние не являются предметом нашего рассмотрения, хотя с точки зрения техники они идентичны) сводимы к нескольким сверхмоделям, которые отражают *образ мира*, сложившийся у этноса в результате его исторического развития, отражают стереотипы мировосприятия, существующие на уровне коллективного бессознательного. А.А. Леонтьев писал: «В основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Потому сознание человека всегда этнически обусловлено, видение мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа» [Леонтьев 1993: 20]. Система этнических констант является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир [Лурье 1998: 228]. Однако следует помнить, и на это в свое время указывал А.А. Потебня, что в этнических константах переплетаются общечеловеческие (точнее – общецивилизационные) и собственно этнические черты, при преобладании первых. Таким образом, что с чем будет сравниваться, заложено в образе мира, присущем конкретному народу и человечеству в целом. Именно образ мира предопределяет выбор сферы-донора. Поэтому на верхнем уровне моделей находится сопоставление номинируемой сферы (сферы реципиента) и сферы-донора.

Эти обобщенные модели описывались неоднократно, начиная с Аристотеля. На основе сфер-доноров С. Ульман выделил наиболее типичные модели метафор: зооморфные, антропоморфные, пространственные и синестезические, назвав их «панхроничными», т.е. характерными для всех времен и народов. Это своего рода матрицы, используя которые, новые поколения номинируют вечно изменяющийся мир. Идеоэтничность проявляется, по В. Гаку, на следующем этапе метафорического процесса [Гак 1988].

Нами была прослежена семантическая деривация - вторичная номинация, действовавшая в русском языке на протяжении последнего полувека, за то время, в которое ведутся систематические наблюдения за словарным запасом и семантическими изменениями русского языка, т.е. начиная со второй половины XX века.

Семантическая деривация этого периода отразила практически все процессы, происходившие в это время в русском обществе, а также сдвиги, наметившиеся в этническом мировосприятии. Уже синопсис семантических дериватов этого периода позволяет создать портрет эпохи.

Спутники выходили на орбиту, *метеоры и кометы* бороздили реки; машины – *заправщики*, *водовозы* стали обыденностью, *фрегаты* - гигантские дождевальные машины, орошали поля, компьютерам предшествовали *калькуляторы*; *пенами и стенками* обставляли не очень удобные квартиры – *распашонки*; одевались в *лапшу*, *гольфы*, *пончо*, нейлоновые *ватники*; обувь меняла моду - *мокасины*, *плетенки*, *платформа*, *шпильки*, сапоги-чулки, *казачки*; на смену портфелям пришли *дипломаты*; женщины стали пользоваться не только помадой и пудрой, но и *тушью*, *теньями*

(появилась **косметика** и для машин); на смену грампластинкам пришли **диски, гиганты**, телепрограммы украшали **огоньки**, телевидение стало обыденностью, телевизоры стали панибратски называть **ящиками**, люди стремились получить образование, иметь **поплавок, корочки**. В 80-е гг. прошедшего века правительство провозгласило курс на **ускорение**. Вместе с тем, общественные идеалы **девальвировались**, **застой** разъедал экономику, **эрозии** подверглась нравственность, **экология** культуры была нарушена – грела **перестройка**, появились **челноки** со своим **челночным** бизнесом, их сменили коммерческие **структуры с дочерними** предприятиями, вызрела новая политическая **элита**, в политике действовали **архитекторы, технологи и технологии, архитектоника** социума изменилась. В этом отрывке, характеризующем эпоху, представлено более 40 семантических дериватов.

В рамках настоящей статьи остановимся подробнее на том, какие модели семантической деривации использовались в этот период русским этносом и насколько они являлись стабильными. Иными словами, попытаемся ответить на вопрос: какие матрицы семантической деривации были востребованы эпохой и не подверглись ли переделке в этот период сами матрицы? Не появилось ли новых архетипов, т.е. новых матриц?

Наблюдения показали, что семантическая деривация рассматриваемого периода противоречива, она отразила противоположные моменты в динамике образа мира и языковой картины мира современного русского этноса: с одной стороны, им присуща стабильность, с другой стороны, в рамках стабильности зарождаются новые черты. Попробуем ниже это показать.

Принято считать, что языковой картине мира свойствен антропоцентризм [А.Вежбицка В.Телия], что она «наивна» [В.Телия]; как указывалось выше, антропоморфизм, зооморфизм, пространственный стереотип и синестезия признаются немногими панхроническими моделями метафорического переноса наименований [С. Ульман 1970] и, следовательно, не просто участвуют в номинации, но и соответственно окрашивают языковую картину мира.

Методом построения моделей, включающих выявление сфер – доноров, из которых современный русский язык черпает номинативные ресурсы для вторичной номинации, мы выделили действующие в современности архетипы семантической деривации и лежащие в их основе стереотипы восприятия [Тропина 2003; 2007].

Оказалось, что архаичные стереотипы – с разной степенью интенсивности – продолжают формировать номинативную базу семантической деривации (активными оказались антропоморфный и зооморфный стереотипы восприятия действительности, менее активно действует пространственный стереотип, «затухает» – синестезический). При этом архаичные архетипы семантической деривации модернизировались, на их основе возникли новые модели.

К активно используемым в современном русском языке матрицам семантической деривации относятся **антропоморфный и зооморфный** архетипы, на их основе возникают новые речевые и узуальные номинации. Ср.: *«Мотор, как говорится, был больной, поддува не было»*. – ТВ, 1+1, «Без табу», 12.03.02, рассказ моториста, побывавшего вместе с командой в плену у африканских пиратов. *«Сдох и кинескоп и телевизор»*. – Студентка, неформальная коммуникация, 2.08.02. *«Деньги, поступающие на реанимированные счета, предприятия тратили на свои нужды»*. – Газета «Гривна», 23.05.02.

Традиционно термины родства использовались в неофициальных стилях, в народной речи для обозначения по возрастному признаку лиц, не состоящих в родстве, чаще всего в обращениях типа: *Сынок, помоги поднять чемодан*, обозначать тех, кто печется о других (*отцы города*). Традиционно- метафорические значения слов *мать* и *отец* могли обозначать родственные отношения в животном и растительном мире, в поэтических текстах *мать* – служить постоянным эпитетом: *родина-мать*.

Внутри этого древнего антропоморфного архетипа возникла новая модель: термины родства – отношения производности, иерархической зависимости, уровень совершенства. Прилагательные *дочерний* и *материнский* используются для обозначения иерархических отношений между предприятиями, учреждениями и т.п. (*дочерняя фирма, материнское предприятие*), группа однотипных явлений, артефактов, веществ, природных объектов называют *семейством* или *семьей* (*семейство, семья планет, семейство компьютерных программ, семейство автомобилей*); созданные человеком механизмы, технологии и т.д. стали характеризоваться с точки зрения положения на «лестнице прогресса» как *поколение* (*новое поколение машин, предыдущее поколение компьютеров*). Широко используется антропоморфная номинация артефактов и их свойств. Ср.: *«Довольно серьезным изменениям подверглась **внешность** автомобиля. Дизайн новинки выполнен в современном стиле, при этом сохранил черты и пропорции предыдущих поколений»*. - «Московский комсомолец», 29.11-6.12.2001.

Очень широко современный русский язык использует антропоморфные метафоры на основе концептов *болезнь* и *здоровье* - для номинации состояния общества, общественных процессов, технических сооружений, механизмов. И состояния общества, и «вещного» мира могут номинироваться как находящиеся на любой стадии оси «жизнь, здоровье – болезнь, смерть». Крайние точки этой оси использовались языком традиционно. Так, глаголы *жить, оживать, умирать, рождаться* и некоторые другие традиционно использовались и используются метафорически для обозначения фаз протекания каких либо действий и процессов, происходящих не с биологическими организмами: *рождаться могут звезды, умирать надежды, оживать вулканы и города*. В современном русском языке языковые метафоры активно используют в качестве «донорских объектов» среднюю часть оси. Наблюдается как бы встраивание новых метафорических моделей в архаичный архетип: *болеть* (на разных стадиях и с разной интенсивностью) может общество, соответственно его можно лечить и т.д:

*«Обыденность разговора показывает, что социальные **проблемы** в стране перешли в стадию хроническую, значит **«лечить»** их будет гораздо труднее»*. – «Аргументы и факты в Украине», 2001, № 11;

*«**Коллапс, катастрофа** – самые мягкие из определений экономической ситуации»*. - «Комсомольская правда в Украине», 15.04.1999;

*«Сегодня первостепенной представляется задача **реанимирования** и организации общества»*. - «Комсомольская правда», 19.12.1991.

Подобные номинативные метафоры используются также и по отношению к природным объектам, артефактам, технике. Ср.: *«Будем проводить **реанимацию** конструкций, чтобы мост мог служить херсонцам»*. – Херсонское радио, 2.08.2009;

*«Коллективы шести ведущих научно-исследовательских центров Украины сделали вывод: главная **река** жизни нашей державы серьезно **больна**»*.- Газета «Такі справи», 23.03. 2009.

Зооморфная семантическая номинация продолжает использоваться современным русским языком, однако диапазон зооморфных номинаций гораздо уже, чем это было в истории языка. Выделяются две основные модели, по которым проходит зооморфная номинация: зоонимы используются для номинации лиц: *зубрами* называют весомых в социальном или профессиональном плане людей, *голубями* и *ястребами* – пацифистов и сторонников военных действий, *жаворонками* и *совами* – людей с утренней и вечерней активностью, *моржами* – зимних купальщиков в открытых водоемах. Эти и еще немногие гораздо реже встречающиеся зооморфные номинации продолжают архаичную традицию использования зоонимов для номинации лиц (традиционно зоонимы употреблялись – и продолжают употребляться - для экспрессивно-оценочной номинации человека, ими «обзывают», быть названным *коровой, свиньей, собакой* и др. – очень не лестно). Однако большинство современных зооморфных номинаций совмещают дескрипцию с коннотацией, причем дескриптивная, денотативная часть значения

преобладает, а коннотативная часть значения лишена элемента «оскорбительности» (*ястреб, голубь*) – в этом их отличие от традиционной зооморфной номинации. Кроме того, зоонимы используются в неофициальных названиях механизмов, приборов: вертолеты называют *стрекозами*, подслушивающие устройства *жучками и клопами*, насосы для пляжных матрасов – *лягушками*. Большие скопления чего угодно – *косяками, табунами* (может быть *косяк* или *табун машин, молодежи*). И это почти полное перечисление «новых» узуальных зооморфизмов. Сюда следовало бы добавить глагол *галонировать*. В конце века *галонировать* стали не только лошади, но и инфляция (*инфляция галопирует*), окказионально *галонировать* – «быстро развиваться» может любое явление: «Кризис в Персидском заливе *галопирует* к войне».

Другие архаичные типы метафорической номинации в современном русском языке почти лишены продуктивности и представлены единичными переносами (*горизонталь и вертикаль власти, ниже- и вышестоящие органы управления, наружное лекарство, глубинные процессы* и немногие другие).

Вместе с тем, мы наблюдаем появление в языке новых архетипов семантической деривации, возникших на основе технократического стереотипа восприятия действительности и на основе повышения общей образованности общества: можно констатировать, что общество уже «отлило» новую матрицу.

Технократическим стереотипом мы называем стереотип, когда нетехнические явления воспринимаются современным человеком через «призму» техники и соответственно номинируются. По мнению социологов, научно-техническая революция повлияла на менталитет современного человека больше чем войны, революции, социальные потрясения. Технократические номинации используются в литературном языке, в «общем сленге» – нерегламентированной речи грамотных людей, в молодежных жаргонах. Современный человек может пожаловаться, что он болен, и на вопрос, что с ним, ответить: *мотор прихватило, мотор барахлит*. От усталости мы *отключаемся, вырубаемся*, нам советуют *переключиться* на другой вид деятельности, *переключить* свое внимание. Глаголы физического действия (движения, передачи и др.) всегда использовались языком для обозначения процессов в области непредметных сущностей (*дождь идет, время бежит, общественный прогресс движется, знания передают*). Семантическая деривация вовлекла в круг таких номинаций глаголы, обозначающие действия и состояния техники: *реформы тормозят, буксуют, пробуксовывают*; в общем сленге человек тоже может *тормозить* – не понимать чего-то, плохо соображать: «Что-то я сегодня *торможу*».- Запись, 2009; передача информации, даже если технические устройства в ней не участвуют, может номинироваться как передача с помощью таковых: «Для нормального развития культуры необходим общий запас культурных ценностей, инвентарь культуры, который должен *транслироваться* следующим поколениям через традицию» (Н. Уфимцева).

Термины и профессионализмы информатики активно приобретают переносные значения: *зависать, зависание* может не только компьютер, но и ситуация, человек: «Самое страшное, что может опять начаться на Украине – это *зависание власти*». - Интер, 1.04.2002. (Наблюдается деривационная цепочка: зависает (парит) птица – летательный аппарат – компьютер – общественный процесс.) Молодежный жаргон использует этот профессионализм информатики в значении ‘задержаться на какое-то время’ или ‘увлечься кем-то или чем-то’: «Поехал на Алтай, но *завис* в Уфе на неделю»; «Он на этой герле *завис*». Компьютерные термины могут переносно использоваться в научных стилях. Ср. использование термина *сканировать* при описании одного из психических этапов номинативного процесса – этапа апперцепции: «Первый вариант формирования понятия предполагает *сканирование* некоторой сферы схем и выбор наиболее приемлемой» (Е. Селиванова).

По технократической модели могут получать названия органы животных: «*Локаторы* морских млекопитающих куда сложнее, чем может показаться на первый

взгляд».- Наука и жизнь, 1975 №8, с. 103; *«Приемопередатчик китов работает направленно, и когда они исследуют окружение, им приходится вращаться наподобие радарной антенны»* (там же, с.104).

В последнее десятилетие стали очень популярными слова **технология** и **технолог**. Несмотря на прозрачную внутреннюю форму, указывающую на их связь с производством, техникой, они стали активно использоваться в нетехнических сферах, в политике. Политические деятели теперь пользуются **технологиями предвыборной борьбы** и советами **политтехнологов**, а учителя разрабатывают **технологии обучения иностранным языкам**. В Москве работала в начале XXI в. организация, содержащая в своем названии этот семантический неологизм – *«Центр политических технологий»*, руководимый известным политологом Игорем Буниным. Лингвисты не остаются в стороне, описывая языковые процессы: *«Еще не научившись читать и писать, человек именовал окружающий мир, себя и себе подобных в этом мире, т.е. реализовывал свою номинативную способность, создавал ономаσιологические «технологии»* (Е. Селиванова).

Отметим, что как языковой тип (модель) семантической деривации – вторичной номинации, отражающий изменения в цивилизационно-этническом мировосприятии и языковой картине мира русского этноса, технократическая номинация впервые выделена и описана нами в ряде статей и монографии. (У Дж.Лакоффа и М.Джонсона [1990] есть только фрагментарное упоминание о метафорах на основе техники, не менее фрагментарно рассматривает использование такой метафоры в публицистических текстах А.П.Чудинов [2001]).

Научный стереотип мировосприятия проявляется в детерминологизации. Ср.: *банковская система, коммерческие структуры, гамма машин, спектр изделий, герметизм (закрытость) общества, политический вакуум, векторы политических сил, адаптация к новой экономической ситуации, реанимирование экономики* – термины общенаучные, музыкальные, физические, математические, биологические, медицинские и др. утрачивают «глубину» своих значений и широко применяются современным русским языком вне узкого профессионального общения. Процесс детерминологизации отмечался и более ранние периоды, однако на рубеже тысячелетий он приобрел крайне интенсивный характер. Активное использование «технических» слов и терминов за пределами их «природных» субкодов можно характеризовать как **интеллектуализацию** современного русского языка.

Итак, семантическая деривация не только отражает внешние процессы, происходящие в обществе, в его материальной и духовной жизни. Она также отражает рождение новых стереотипов мировосприятия, в результате чего в ней появляются новые архетипы и модернизируются старые. Семантическая деривация активно участвует в перестройке языковой картины русского этноса, делая ее, с одной стороны, более экспрессивно насыщенной и демократичной, а с другой стороны, менее «наивной» и «антропоморфной», более интеллектуальной, внося новые технократические и научные краски. Роль семантической деривации в этих процессах требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Вежбицкая А. Прототипы и инварианты. Язык, Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. - 411 с.
2. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11 - 26.
3. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С.387 – 415.
4. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. - М.: Наука, 1993.- С.16 - 21.

5. *Лурье С.В.* Историческая этнология. М.:Аспект-Пресс, 1998. - 446 с.
6. *Селиванова Е.А.* Когнитивная ономазиология.- К., 2000. – 248 с.
7. *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира, М: Наука,1988. – С.173 - 204.
8. *Тропина Н.П.* Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование (монография). – Херсон, Изд.-во ХГУ, 2003. – 332 с.
9. *Тропина Н.П.* Языковая картина русского этноса на рубеже столетий: сдвиг стереотипов / Мир русского слова и русское слово в мире. XI конгресс МАПРЯЛ, том 4, Heron Press, София, 2007. – С.379 - 385.
10. *Ульман С.* Семантические универсалии // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. 5: Языковые универсалии. - М.: Радуга, 1970. - С.250 -293.
11. *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание и образ мира славян //Языковое сознание и образ мира. Сб. ст. - М., 2000.
12. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование метафор (1991-2001).- Екатеринбург, 2001. – 238.